

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИС ПИТЕРС

ПОСЛУШНИК
ДЬЯВОЛА

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Элис Питерс

Послушник дьявола

«РИПОЛ Классик»

1983

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Послушник дьявола / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1983 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12893-7

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. Послушник дьявола — так прозвали юношу из благородной семьи, смутившего покой мирной обители. По ночам его терзают жуткие видения. Уж не причастен ли он к исчезновению епископского посланца?

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12893-7

© Питерс Э., 1983
© РИПОЛ Классик, 1983

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эллис Питерс

Послушник дьявола

Ellis Peters
The Devil's Novice

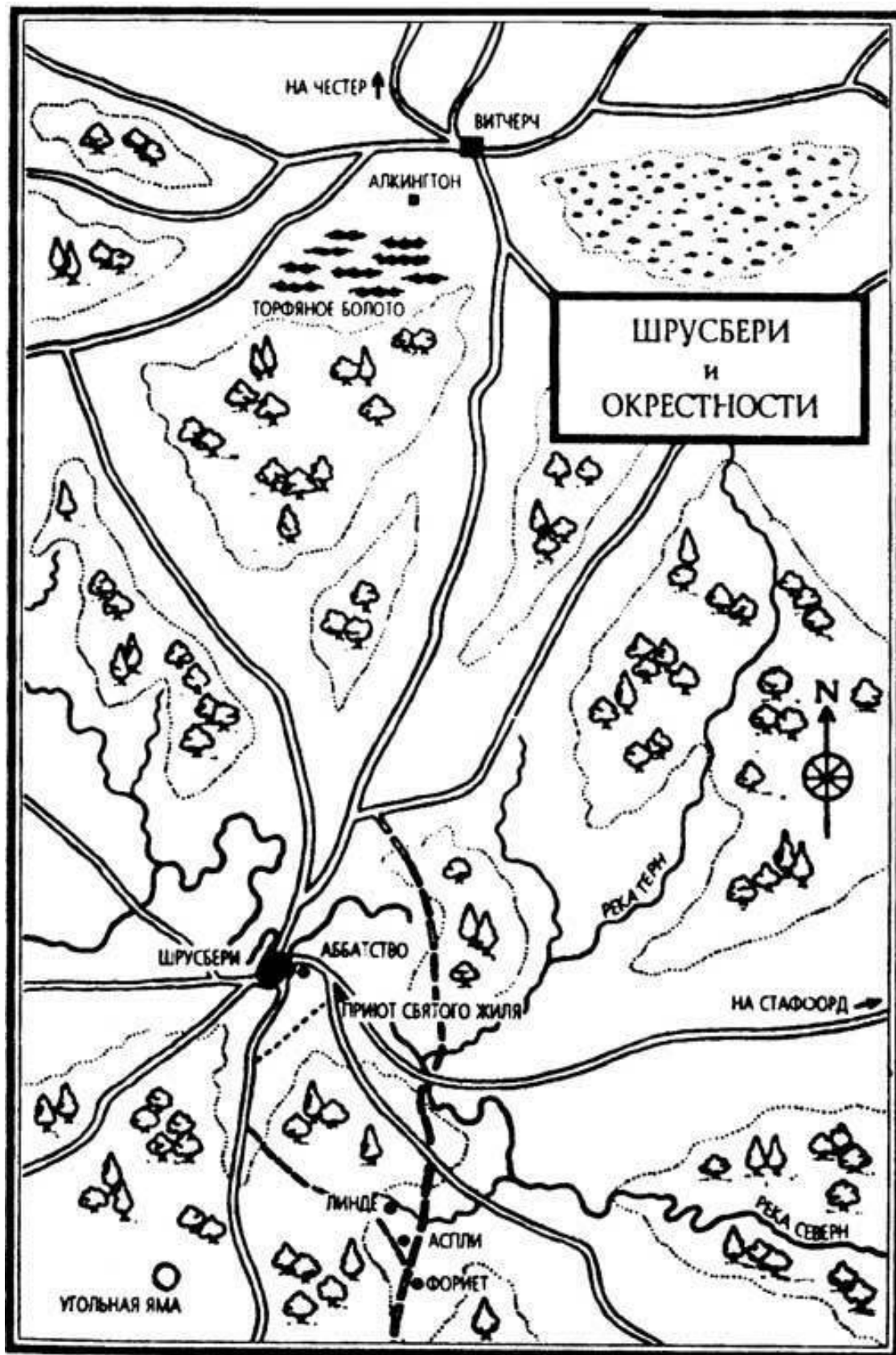
© Storyside. 2021

© Грушанская Ж. Я., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Видите того пожилого монаха
в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль
возится в своем садике:
собирает лекарственные травы,
ухаживает за кустами роз.
Вряд ли кому придет в голову,
что перед ним – бывший участник
крестовых походов, повидавший полмира
бравый вояка и покоритель женских сердец.
Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую
выступать не только в роли врачевателя
человеческих душ и тел, но и в роли
весьма удачливого, снискавшего славу детектива, —
ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной
тихую бенедиктинскую обитель.
Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»
происходит в Англии XII века,
где бушует пожар междоусобной войны.
Императрица Матильда и король Стефан
не могут поделить трон, а в подобной неразберихе
преступление – не такая уж редкая вещь.
Так что не станем обманываться
мирной тишиной этого утра.
В любую секунду все может измениться...

Глава первая

В середине сентября лета Господня 1140 владельцы двух шропширских маноров – к северу и югу от Шрусбери – в один и тот же день отправили послов в аббатство Святых Петра и Павла, прося согласия на вступление в Орден их младших сыновей.

Одного приняли, другого отвергли. На это имелись достаточно веские причины.

– Я призвал вас на совет, прежде чем принять решение или представить дело на обсуждение капитула, – проговорил аббат Радульфус, – потому что принцип, который оно затрагивает, в настоящее время является предметом рассмотрения руководителей нашего Ордена. Вы, брат приор и брат субприор, несущие каждодневные тяготы управления нашим хозяйством и нашим домом, ты, брат Павел, попечитель послушников и учеников, ты, брат Эдмунд, живущий в монастыре с самого детства и посвященный во все его заботы, – вы можете посмотреть на это дело с одной стороны; ты же, брат Кадфаэль, напротив, пришел к нам уже в зрелом возрасте, а до этого участвовал во многих опасных предприятиях, так что ты можешь взглянуть на него с другой стороны.

«Так, – подумал Кадфаэль, молча и неподвижно сидевший на скамье в углу приемной аббата, голый, пахнувшей деревом комнаты, – я опять должен буду взять на себя роль защитника мирских искусов». Он снова должен будет подать свой голос, голос, ставший сдержанным, смягчившийся за семнадцать лет, прошедших с того дня, как он, бывший солдат, дал обет, но все же остающийся достаточно резким для монастырского уха. «Ладно, в служении каждый из нас делает то, что умеет, и так, как поручено нам свыше, и, наверное, такой образ жизни не хуже любого другого». Брата Кадфаэля изрядно клонило в сон: весь день с самого утра он провел во фруктовых садах Гайи и в своем маленьком садике внутри монастырской ограды, прерывая работу только для обязательного присутствия на службах в церкви и молитв. Он слегка опьянел от наполненного дивным ароматом трав сентябрьского воздуха и собирался лечь в постель сразу после повечерия. И все же он не настолько хотел спать, чтобы не насторожиться, когда аббат Радульфус объявил, что просит совета; вернее, он хотел бы выслушать совет, который потом без колебания отвергнет, если его, аббата, пронизательность укажет ему совершенно иной путь.

– К брату Павлу обратились с просьбой, – произнес аббат, окидывая собравшихся властным взглядом, – принять к нам двух новых мальчиков, чтобы, когда придет время и если пожелает Господь, они смогли надеть рясу и выбрать тонзуру. Тот, с кем мы должны сейчас поговорить, из хорошей семьи, его отец – патрон нашей церкви. Сколько, ты сказал, лет мальчику, брат Павел?

– Он совсем дитя, ему еще нет пяти.

– В этом и состоит причина моих сомнений. Сейчас у нас живут только четыре мальчика; двое из них находятся здесь не для того, чтобы со временем дать монашеский обет, а чтобы получить образование. Правда, потом при желании они смогут остаться с нами и вступить в наше братство, но это уже их дело, – достигнув подходящего возраста, они сами сделают выбор. Двум другим двенадцать и десять лет, родители посвятили их Богу. Дети привыкли к нашей жизни и счастливы; очень не хотелось бы нарушать их покой. Поэтому я не могу с легкостью решиться принять к нам еще мальчиков, которые пока не в состоянии осознать, что даст им поступление в обитель и, пожалуй, самое главное, чего они при этом лишатся. Великая радость, – объявил аббат Радульфус, – распахнуть двери перед тем, кто истинно хочет этого всей душой. Однако душа ребенка, только что оставившего колыбель, принадлежит игрушкам и теплу материнских колен.

Приор Роберт изогнул дугой серебристо-седые брови и с сомнением покосился на кончик своего тонкого аристократического носа:

– Обычай принимать детей послушниками существует уже века. Он освящен Уставом. Любые отклонения от Устава должны приниматься только после глубочайших размышлений. Есть ли у нас право отказывать отцу в том, чего он желает для своего ребенка?

– Есть ли у нас – есть ли у отца – право определять участь несмышленного младенца прежде, чем он обретет голос, чтобы говорить за себя? Я знаю, такая практика установилась давно и никогда не подвергалась сомнениям, но теперь подвергается.

– Нарушив ее, – упорствовал приор Роберт, – мы рискуем лишить какую-нибудь юную душу верного пути к блаженству. И в детские годы можно сделать неверный шаг, и путь к Божественной милости будет утерян.

– Я допускаю такую возможность, – согласился аббат, – но думаю, что может случиться и обратное, и многие дети, предназначенные для иной жизни и иного способа служения Богу, просто окажутся как бы заточенными в тюрьму. Это только мое собственное мнение. Здесь с нами и брат Эдмунд, который в монастыре с четырех лет, и брат Кадфаэль, который, напротив, пришел к нам в зрелом возрасте, прожив перед тем бурную, полную приключений жизнь. Я верю и надеюсь, что оба они не раскаиваются, дав монашеский обет. Скажи нам, брат Эдмунд, как ты смотришь на это? Ты сожалел когда-нибудь, что тебе не довелось познать мир за монастырскими стенами?

Брат Эдмунд, попечитель монастырского лазарета, был серьезным, вдумчивым человеком приятной наружности; будучи всего на восемь лет моложе шестидесятилетнего Кадфаэля, он хорошо смотрелся бы и верхом на лошади, и в качестве владельца какого-нибудь манора, хозяйским глазом приглядывающего за своими арендаторами. Он неторопливо обдумал ответ и спокойно проговорил:

– Нет, я никогда не испытывал сожалений. Но ведь мне неизвестно, о чем стоило бы жалеть. Однако я знаю тех, кто бунтовал просто от желания узнать это. Может быть, они воображали, что в мирской жизни больше возможностей, чем в нашей, а я, вероятно, лишен этого дара воображения. А может быть, мне посчастливилось найти себе работу по душе и по способностям и у меня не было времени роптать. Я бы ничего не хотел менять. И я сделал бы тот же самый выбор, если бы давал обет уже взрослым. Но у меня есть основания думать, что другие, будь их воля, сделали бы другой выбор.

– Честный ответ, – похвалил аббат Радульфус. – Брат Кадфаэль, а ты? Ты много бродил по свету, был в Святой земле, знаком и с оружием. Ты сделал выбор поздно, и сделал его сам, и мне кажется, ты не тоскуешь о прошлом. Ты, повидавший так много, приобрел ли что-нибудь, выбрав монастырь?

Кадфаэль обнаружил, что, прежде чем ответить, ему нужно подумать, а думать после целого дня работы на солнце было очень трудно. Он прекрасно понимал, что хочет услышать от него аббат, но все же его смущала встававшая перед глазами картина, когда маленького ребенка, почти из колыбели, без его ведома обряжают в рясу – то, что он, Кадфаэль, сделал по собственной воле.

– Думаю, я приобрел многое, – проговорил он наконец. – Более того, мой дар, каким бы ничтожным и жалким он ни выглядел, значительнее того, который я смог бы принести, явившись сюда неопытным юнцом. Я откровенно говорю, что любил ту жизнь, высоко ценил воинов, которых знал, благородных людей и их великие дела, свидетелем которых был, и если в расцвете лет я решил отказаться от всего и предпочел жизнь в монастыре, то это говорит только о моем почтении и благоговении перед Церковью. И я никоим образом не считаю, что, сохранив кое-какие воспоминания, я менее пригоден исповедовать преданность Богу, – скорее, это помогает мне служить более ревностно. Если бы меня отдали в монастырь в раннем детстве, то, возмужав, я бы стал бунтовать, желая получить принадлежащее мне по праву. То, что я

не провел здесь детство, помогло мне пожертвовать своими правами, когда на меня снизошла мудрость.

– Но ты ведь не будешь отрицать, – сказал аббат, и его худое лицо осветилось мимолетной улыбкой, – что есть люди, которые по своей природе и милости Божьей предназначены для того, чтобы с ранней юности начать вести жизнь, которую ты открыл для себя только в зрелые годы?

– Ни в коем случае не стану отрицать этого! Я считаю, что они – лучшие из нас. Но они делают свой выбор добровольно: каждый сам идет на свет, видимый лишь ему.

– Хорошо, хорошо, – проговорил Радульфус и задумался, обхватив ладонью подбородок и прикрыв свои глубоко сидящие глаза. – Брат Павел, ты ничего не хочешь сказать нам? Мальчики на твоём попечении, и мне известно, что они редко жалуются на тебя.

Брат Павел, человек средних лет, носившийся со своими подопечными, как беспокойная насадка с выводком цыплят, был известен тем, что всегда потворствовал малолеткам и защищал их от возможных наказаний; при этом он был хорошим учителем и вдалбливал юнцам латынь, не причиняя при этом особых огорчений ни себе, ни им.

– Для меня не будет тяжелым бременем забота о четырехлетнем мальчонке, – медленно проговорил брат Павел, – но дело ведь не в том, доставит ли это удовольствие мне или радость ему. Это не то, что предписывает Устав, так мне кажется. Хороший отец может дать маленькому сыну то же самое. Лучше, если мальчик осознает, что он делает, и получит некоторое представление о том, что он оставляет позади. В пятнадцать или шестнадцать лет, получив хорошее образование...

Приор Роберт вскинул голову, сохраняя при этом суровый вид: он как бы показывал, что не хочет мешать главе аббатства прийти к какому-то решению. Субприор, брат Ричард, промолчал; это был добрый человек, хорошо управлявшийся с обыденными делами, но не любивший принимать решения.

– После того как я ознакомился с соображениями архиепископа Ланфранка, я пришел к выводу, что в наше отношение к вопросу о принесении детьми обета следует внести изменения, – подвел итог аббат, – и я убежден, что сейчас лучше отказать всем, кто просит принять ребенка послушником в монастырь, пока тот сам не сможет решить, какой образ жизни ему избрать. Поэтому, брат Павел, моя точка зрения такова: на сегодня придется отклонить просьбу об этом мальчике. Пусть отец знает, что через несколько лет мы охотно примем его сына в качестве ученика нашей школы, но не в качестве послушника, собирающегося вступить в Орден. Для этого мальчик должен достичь соответствующего возраста. Так и скажи его отцу. – Радульфус перевел дыхание и слегка выпрямился в кресле, показывая, что совещание закончено. – Насколько я знаю, у нас есть еще одна просьба о приеме в монастырь.

Брат Павел уже встал и улыбался с облегчением.

– С этим затруднений не будет, отец мой. Леорик Аспли из Аспли хочет отдать нам своего младшего сына Мэриета. Юноше только что исполнилось девятнадцать лет, и он идет к нам по собственному пылкому желанию. Этот случай, отец мой, не вызывает сомнений.

– Не очень-то благоприятные времена для приема новичков, – признал брат Павел, идя через большой двор рядом с Кадфаэлем к повечерию, – так что лучше нам не брать послушников. Я доволен, что отец аббат решил именно так. Меня всегда не слишком радовало, когда к нам приводили маленьких детей. И хотя в большинстве случаев их отдают нам, руководствуясь, вероятно, исключительной любовью к ним, иногда находят сомнения... Если не хочется делить земли и уже есть один или два старших сына, то монастырь может быть хорошим местом, куда удобно пристроить третьего.

– Такое может случиться, даже если этот третий – взрослый человек, – сухо возразил Кадфаэль.

– Но с его согласия, ведь и в обители тоже остается соблазн достичь власти и чинов. Но младенцы – нет, здесь слишком много возможностей для злоупотреблений.

– Как ты думаешь, придет к нам этот мальчик через несколько лет на условиях отца аббата? – поинтересовался Кадфаэль.

– Сомневаюсь. Если его поместят в нашу школу, отцу придется платить за него. – Брат Павел, который был склонен отыскивать ангельские задатки у любого бесенка, если тот был его учеником, тем не менее скептически относился к старшим родственникам детей. – Если бы мальчика приняли в послушники, мы бы взяли на себя расходы по его содержанию и всему прочему. Я знаю отца ребенка. Вполне порядочный человек, но скупой. А вот его жена, я уверен, будет очень рада, что младшенький останется при ней.

Они подошли ко входу на галерею; в тихом, напоенном сладким ароматом воздухе плавали мягкие зеленоватые тени деревьев и кустов, тронутых первыми признаками золотой осени.

– А другой? – спросил Кадфаэль. – Аспли – это где-то к югу, на границе Долгого Леса; я слышал это имя, но не более. Ты знаешь их семью?

– Только понаслышке, но слава о них идет хорошая. С посланием сюда приходил управляющий манором – старый кряжистый сакс, если судить по его имени – Фремунд. Он сказал, что юноша умеет читать, здоров и хорошо воспитан. Во всех отношениях доброе приобретение для нас.

Заклучение, с которым не было причин спорить.

Анархия в стране, раздираемой междоусобной войной, сильно сократила доходы аббатства; те, кто намеревался совершить паломничество, оставались сидеть по домам; уменьшилось, к сожалению, число послушников, желающих вступить в монастырь, при том что сильно увеличилось число нищих беженцев, ищущих убежища в его стенах. Возможность получить взрослого члена общины, грамотного, жаждущего начать послушничество, было прекрасной новостью для аббатства.

Потом, конечно, нашлись умники, крепкие задним умом, которые, перебирая всяческие предзнаменования, намекали на приметы и нагло утверждали, что все были ими предупреждены. После любого потрясения и дальнейшего успокоения всегда обнаруживается множество подобных запоздалых советчиков.

Два дня спустя брат Кадфаэль по чистой случайности оказался свидетелем прибытия нового члена общины. Несколько дней стояла ясная солнечная погода, будто нарочно, чтобы можно было собрать ранние яблоки и привезти на телегах свежесмолотую муку. Но потом разразился ужасный ливень, превративший дороги в непролазную грязь, а каждую ямку на большом дворе – в предательскую лужу. Переписчики и художники благодарили судьбу, что могут сидеть за своими столами в нишах скриптория. Мальчики оказались запертыми на время в помещении, предназначенном для игр; в лазарете немногие больные, находившиеся там, чувствовали, как все ниже и ниже падает их дух и одолевает грусть от вида тускнеющего за окном света. Гостей в это время было очень немного. В междоусобной войне наступила передышка, высокопоставленные священнослужители пытались призвать обе стороны к согласию. Большая же часть Англии затаилась в своих домах и выжидала; только те, у кого не было выбора, двигались по дорогам и находили пристанище в странноприимном доме аббатства.

Время после полудня Кадфаэль провел в своем сарайчике при маленьком садике, где он выращивал травы. Ему нужно было не только проследить, как варились разные снадобья – результат осеннего сбора трав, кореньев и ягод; получив копию списка Элфрика, содержащего перечень трав и деревьев, произраставших в Англии полтора века назад, он мечтал в мире и покое изучить его. Брату Освину, чей молодой пыл иногда служил поддержкой Кадфаэлю, но чаще мешал ему наслаждаться своими личными владениями, было позволено удалиться, и тот

отправился изучать литургию, потому что приближалось время его пострига и Освин должен был знать все назубок.

Дождь был желанным для земли, но на людей действовал угнетающе, мешал думать. Темнело; буквы на листе, который лежал перед глазами Кадфаэля, стали расплываться. Он прекратил чтение; зная английский с детства, латынь Кадфаэль выучил уже в зрелом возрасте, ценой утомительных усилий, и, хотя и владел ею, она оставалась для него чужим, непривычным языком. Он проверил варившиеся смеси, помешал тут и там, бросил какие-то недостающие травы в ступку и растирал до тех пор, пока они не превратились в пыль и полностью не перемешались; потом он выскочил из сарайчика, быстро пробежал через мокрый садик и оказался в большом дворе. Под рясой он прижимал к груди драгоценный пергамент.

Кадфаэль добежал до навеса над крыльцом странноприимного дома и под его прикрытием собирался с духом, прежде чем пуститься шлепать по лужам в направлении крытой галереи монастыря, когда увидел троих всадников, въехавших со стороны предместья и остановившихся под аркой ворот у сторожки, чтобы стряхнуть капли дождя с плащей. Привратник, торопясь, вышел поприветствовать прибывших и двинулся вдоль стены под прикрытием навеса, а из конюшни выскочил конюх и побежал по лужам, накрыв голову мешком.

«Должно быть, это Леорик Аспли из Аспли и его сын, пожелавший надеть рясу и стать монахом», – подумал Кадфаэль. Он постоял какое-то время, вглядываясь в приехавших, частично из любопытства, частично надеясь – увы, тщетно, – что ливень ослабнет и ему удастся пересечь двор и попасть в скрипторий, не промокнув насквозь.

Впереди ехал на крупном сером коне высокий, очень прямо державшийся пожилой человек в толстом плаще. Когда он откинул капюшон, стала видна копна густых седых волос и длинное суровое бородатое лицо. Даже на таком расстоянии оно казалось значительным, неулыбчивым, непреклонным; орлиный нос придавал ему высокомерное выражение, усугубляемое жесткими очертаниями гордого рта; однако, когда всадник сошел с коня, его обращение с привратником и конюхом было подчеркнуто вежливым. Трудный человек. Вероятно, такому отцу нелегко угодить. Одобрял ли он решение сына или согласился против воли, с досадой? Кадфаэль подумал, что Леорику, очевидно, больше пятидесяти, и по простоте душевной счел его стариком, забывая о собственном возрасте, о котором вообще никогда не думал, а ведь ему самому было шестьдесят.

Гораздо сильнее его внимание привлек юноша, который, как того требовали приличия, почтительно следовал за отцом на расстоянии нескольких ярдов и быстро спрыгнул со своего черного пони, чтобы поддержать родителю стремя. Пожалуй, даже излишне быстро, но при этом в его манере держаться было что-то напоминающее жесткую негибкость старшего. Когда они спешили, оказалось, что девятнадцатилетний Мэриет Аспли на голову ниже Леорика; это был хорошо сложенный, стройный, крепкий юноша, на первый взгляд ничем особенно не примечательный. Темные пряди волос прилипли к его мокрому лбу, и потоки дождя струились по гладким щекам, как потоки слез. Он стоял чуть в стороне, со смиренно склоненной головой и опущенными долу глазами, весь внимание, как слуга, ожидающий приказаний хозяина. Когда же Аспли направились под навес сторожки, Мэриет следовал по пятам за отцом, как хорошо обученная собака. И все же в его поведении была какая-то замкнутость, что-то принадлежащее ему одному; он как будто выполнял весь этот ритуал, не участвуя в происходящем душой. Это было скрупулезное соблюдение внешних формальностей, которое не затрагивало даже частички его «я». Насколько Кадфаэль мог разглядеть на таком расстоянии, выражение лица Мэриета было столь же спокойным и суровым, как у Аспли-старшего.

«Да, – подумал Кадфаэль, – между этими двумя нет согласия, это несомненно». Единственное, чем он мог объяснить холодность и непреклонность отца, так это тем, что тот не одобряет решение сына, – мысль, сразу пришедшая Кадфаэлю в голову; возможно, отец пытался отговорить сына и очень сердит, что это ему не удалось. Упрямство, с одной стороны, круше-

ние надежд и разочарование – с другой – разделили их. Не лучшее начало служения – противостоять воле отца. Однако ослепленные слишком ярким светом не видят, не хотят видеть боли, которую они причиняют. Путь, которым Кадфаэль пришел в монастырь, был иным, но ему пришлось пару раз наблюдать такие случаи, и он понимал всю тяжесть подобной размолвки. Прибывшие отправились в сторожку ожидать брата Павла, а после – официального приема у аббата. Конюх, который приехал вслед за ними на косматом диком пони, отвел лошадей на конюшню, и большой двор снова опустел; дождь лил по-прежнему. Брат Кадфаэль подобрал повыше полы своей рясы и побежал к главному корпусу, там стряхнул воду с рукавов и капюшона, а потом пошел в скрипторий, устроился удобно и продолжил чтение. Через несколько минут он полностью погрузился в раздумья о том, являлись ли *dittanders* Элфрика тем же самым, что его собственный *dittany* (ясец белый). Кадфаэль не думал больше о Мэриете Аспли, который принял неколебимое решение стать монахом.

На следующий день юноша предстал перед капитулом, чтобы формально заявить о своем желании и познакомиться с теми, кому предстояло стать его братьями. Во время послушничества молодые люди не принимали участия в дискуссиях капитула, им разрешалось лишь слушать, чтобы набираться ума, но аббат Радульфус настаивал, чтобы к ним с самого момента их вступления в монастырь относились учтиво, как принято среди братии.

Впервые надев рясу, Мэриет чувствовал себя в ней чуть-чуть стесненно, даже казался меньше ростом, как отметил внимательно наблюдавший за ним Кадфаэль. Теперь, когда рядом не было отца, вызывавшего в сыне враждебную холодность, юноша стоял, опустив глаза и крепко сжав руки, испытывая, очевидно, благоговейный трепет перед происходящим. На вопросы отвечал тихим, ровным голосом, быстро и с должным смирением. Лицо, от природы бледное, под летним солнцем загорело до темно-золотого цвета, бежавшая под гладкой кожей кровь прилила к щекам. Высокие скулы, тонкий прямой нос с красиво вырезанными, нервно трепещущими ноздрями, и этот гордый рот с полными губами, сурово сжатыми, когда юноша молчал, и казавшимися такими нежными, трогательными, когда он говорил. Глаза скрывались за смиренно опущенными веками, брови, чуть более темные, чем волосы, были четко изогнуты.

– Надеюсь, ты хорошо подумал, – проговорил аббат, – но теперь у тебя есть время подумать еще, не опасаясь осуждения ни с чьей стороны. Действительно ли ты хочешь вступить в монашескую жизнь, стать одним из нас? Это по-настоящему обдуманное и твердое желание? Ты можешь высказать все, что у тебя на душе.

Аббату ответил тихий голос, и в нем прозвучала скорее гордость, чем решимость.

– Таково мое желание, отец мой. – Казалось, юноша сам удивлен собственной горячностью. – Я прошу вас принять меня и обещаю быть послушным во всем.

– Такую клятву ты дашь позже, – сказал Радульфус с легкой улыбкой. – А пока брат Павел будет твоим наставником, и ты будешь подчиняться ему. Для тех, кто вступает в Орден в зрелом возрасте, послушничество обычно длится год. У тебя есть время и дать обет, и выполнить его.

Когда аббат произнес эти слова, опущенная голова юноши резко вскинулась, веки поднялись и открыли большие ясные глаза, темно-карие, с зелеными точками. До сих пор Мэриет ни разу не взглянул прямо на свет, поэтому яркость его глаз удивила и встревожила аббата. А голос зазвучал выше и резче, чем раньше, почти испуганно:

– Отец мой, это обязательно? Нельзя ли сократить срок, если я заслужу? Ожидание так трудно переносить.

Аббат посмотрел на него внимательно, сдвинул свои прямые брови и насупился, но это было скорее выражением удивления, чем неудовольствия.

– Срок может быть сокращен, если нам это покажется целесообразным. Если ты будешь готов раньше, это проявится само собой. Не напрягайся чрезмерно, стараясь достичь совершенства.

Легко было заметить, что юноша Мэриет очень чувствителен к скрытому смыслу и слов, и тона. Он снова прикрыл глаза веками, как будто опустил завесу, и посмотрел на свои сцепленные руки.

– Отец мой, направляйте меня. Я всем сердцем хочу принять постриг и жить в мире и покое.

Кадфаэлю показалось, что сдержанный голос на какое-то мгновение дрогнул. Это, несомненно, никак не повредило юноше в глазах Радульфуса, которому приходилось иметь дело и с пылкими энтузиастами, и с теми, кого, как жертвенных агнцев, буквально волокли на алтарь посвящения.

– Это можно заслужить, – произнес аббат мягко.

– Отец мой, я заслужу!

Голос юноши дрогнул, но только на секунду. Поразительные глаза оставались прикрытыми.

Радульфус, ласково взглянув, отпустил юношу и после его ухода закрыл заседание капитула. Образцовое вступление? Или на всем этом лежала тень слишком лихорадочного усердия, которое не мог не почувствовать столь пронизательный человек, как аббат Радульфус, а почувствовав, не мог одобрить и в будущем собирался относиться к юноше с большой осторожностью? Обуреваемый страстями серьезный молодой человек, попав в тихое убежище, о котором он мечтал, легко может проявить излишнюю горячность и нетерпение. Кадфаэль, всегда прочно стоявший на земле своими большими ногами и спокойно принявший решение укрыться в тихой монастырской гавани на весь остаток жизни, все же испытывал чувство сильной симпатии к пылкой юности, которая все преувеличивала, которая могла взлететь в небеса от строчки стихов или обрывка музыкальной фразы. Некоторые юноши, вспыхнув, горели потом до самого своего смертного часа, освещая путь многим, и оставляли после себя сверкающий след идущим им на смену поколениям. У других же огонь гас от нехватки горючего, однако не причиняя этим зла никому. Время покажет, что принесет с собой маленький костер несчастного Мэриета.

Хью Берингар, помощник шерифа Шропшира, вернулся из своего манора Мэзбери, чтобы принять дела, поскольку его начальник, Жильбер Прескот, отправился к королю Стефану в Вестминстер со своим обычным визитом, приуроченным ко дню святого Михаила¹, – дать отчет о положении дел и доходах графства. Их обоюдными усилиями округа оставалась хорошо защищенной и верной присяге, ее не затронули беспорядки, сотрясавшие большую часть страны, и у аббатства были серьезные причины благодарить их обоих, потому что многие обитатели, расположенные в Уэльсе вблизи дорог, оказывались распушенными, разогнанными, превращенными в военные крепости, некоторые даже не однажды, и никакого возмещения убытков при этом они не получали. Хуже, чем войска короля Стефана, с одной стороны, и войска его родственницы-императрицы, с другой, – а по совести говоря, и те и другие причиняли достаточно зла, – хуже них оказывались расплзшиеся по стране армии отдельных сеньоров, хищники большие и малые, пожирающие все в тех местах, где они могли не опасаться карающей руки закона. В Шропшире, однако, законная власть была достаточно сильна и верна королю, во всяком случае настолько, чтобы заботиться о его подданных.

Убедившись, что жена и маленький сын удобно устроились в их городском доме рядом с церковью Святой Девы Марии и что в гарнизоне крепости царит полный порядок, Хью прежде всего отправился засвидетельствовать свое почтение аббату. И никогда он не уезжал из монастыря, не навестив брата Кадфаэля. Они были старые друзья, ближе, чем бывают отец и сын, и относились друг к другу со спокойной терпимостью людей разных поколений; кроме того,

¹ День святого Михаила – 29 сентября.

их сближали и общие приключения, которые стирали различия в возрасте. В беседах друг с другом и тот и другой оттачивали свой ум, чтобы лучше защищать вечные ценности, которые с каждым днем все более попирались в трясущейся от страха разоренной стране.

Кадфаэль спросил, как поживает Элин, и улыбнулся, радуясь просто оттого, что произнес ее имя. Он был свидетелем того, как Хью добился и жены, и своего высокого для такого молодого человека положения, и по-дедовски гордился их первенцем, крестным отцом которого стал в первые дни этого года.

– Великолепно, – с удовольствием ответил Хью. – Спрашивает о тебе. Как только отслужу свой срок, найду способ увезти тебя к нам, и ты убедишься сам, как она расцвела.

– Бутон был достаточно редкостный, – проговорил Кадфаэль. – А бесенок Жиль? Господи Боже, ему уже девять месяцев от роду, он скоро начнет носиться по полу, как щенок! Они встают на ноги прежде, чем становятся самостоятельными.

– Он передвигается на четырех не хуже, чем его рабыня Констанс на двух, – с гордостью объявил Хью. – И сжимает ее руку так же крепко, как прирожденный воин – меч. Только отдалі Господь от него это время на долгие годы! Мне его детство покажется коротким. Даст Бог, времена раздоров окончатся раньше, чем он возмужает. Было же время, когда в Англии царили незыблемые законы, и оно должно снова вернуться.

Хью был человеком уравновешенным и неунывающим, но временами, когда он думал о своей должности и верности королю, на его лицо набегала тень.

– Какие вести с юга? – спросил Кадфаэль, заметив легкое облачко. – Похоже, совещание у епископа Генри ничего не дало.

Генри Блуа, епископ Винчестерский и папский легат, был младшим братом короля и его неколебимым сторонником, пока Стефан не напал на Церковь и не оскорбил ее в лице ряда епископов. Кому оставался верен сам епископ Генри после того, как его родственница – императрица Матильда прибыла в Англию и вместе со своей партией прочно обосновалась на западе, избрав своей твердыней город Глостер, было неясно. Умный, честолюбивый и практичный священнослужитель, несомненно, мог сочувствовать и той, и другой стороне, но от их поведения приходил только во все большее отчаяние; раздираемый родственными чувствами, он всю весну и лето этого года пытался изо всех сил уговорить врагов прийти к разумному соглашению и подготовил некоторые пункты будущего договора, которые могли если и не удовлетворить требования обеих сторон, то хотя бы умиротворить их и дать Англии заслуживающее доверия правительство и какую-то надежду на возвращение законности. Генри сделал все, что мог, и даже сумел всего лишь около месяца назад организовать вблизи Бата встречу представителей обеих партий. Но согласия достигнуть не удалось.

– Хотя бойню это остановило, – заметил Хью, скривившись, – по крайней мере на какое-то время. Однако плодов пока нет, собирать нечего.

– До нас дошел слух, – сказал Кадфаэль, – что императрица предлагала избрать Церковь в качестве арбитра, а Стефан не согласился.

– Неудивительно! – ухмыльнулся Хью. – У него есть владения, у нее – нет. Любое обращение к суду для него угроза потерять все, ей же ставить на карту нечего, а выиграть кое-что она может. Самый пристрастный суд поймет, что она не дура. А мой король, дай ему Господь побольше разума, оскорбил Церковь, и она не замедлит отомстить за себя. Нет, тут надеяться не на что. В данный момент епископ Генри отправился во Францию; он не теряет надежды и ищет поддержки у французского короля и графа Теобальда Нормандского. Ближайшие недели он будет придумывать мирные предложения, а потом вернется сюда с войском и снова обратится к враждующим сторонам. Сказать правду, он рассчитывал получить большую поддержку, прежде всего с севера. Но они все прикусили языки и сидят по домам.

– Честер? – рискнул высказать предположение Кадфаэль.

Граф Ранульф Честерский был независимым полукоролем на севере – он был женат на дочери графа Глостерского, сводного брата императрицы и ее главного сторонника в этой борьбе; однако у него имелись претензии к обеим партиям, и до сих пор он осмотрительно соблюдал мир в своих владениях, не выступая с оружием в руках ни на той, ни на другой стороне.

– Он и его сводный брат, Вильям Румэйр. У Румэйра большие владения в Линкольншире, и вместе они – сила, с которой приходится считаться. Они, надо признать, удерживают там равновесие, но могли бы сделать больше. Ладно, надо быть благодарным даже за временное перемирие. А потом – будем надеяться.

Увы, надежд Англия за эти трудные годы познала в избытке. Однако Генри Блуа, надо отдать ему справедливость, изо всех сил старался навести порядок в царившем хаосе. Генри был наглядным примером того, как можно достичь больших успехов в миру, рано облачившись в сутану. Монах монастыря Ключи, аббат в Гластонбери, епископ Винчестерский, папский легат – взлет крутой и яркий, как радуга. Правда, он начинал, будучи племянником монарха, и своим быстрым продвижением был обязан старому королю Генриху. Способные младшие сыновья менее знатных семейств, выбрав монашескую стезю, не могли надеяться получить епископский сан ни в их собственном аббатстве, ни в каком другом. Например, этот пылкий юноша с зелеными крапинками в глазах – как далеко пойдет он по дороге к власти?

– Хью, – Кадфаэль плеснул немного воды в жаровню, чтобы торф только тлел и при желании огонь можно было бы снова быстро разжечь, – что ты знаешь об Аспли из Аспли? Этот манор на краю Долгого Леса не слишком, кажется, удален от города, но место достаточно уединенное.

– Не такое уж уединенное. – Хью немного удивился вопросу. – Там соседствуют три манора, которые выросли из одной вырубki. Все они были на стороне графа, а сейчас они на стороне короля. Владелец одного взял имя Аспли. Его дед был сакс до мозга костей, но надежный человек, граф Роджер покровительствовал ему и оставил ему его земли. Они все еще саксы по духу, но ели его хлеб и были верны ему, а когда он примкнул к королю, остались с ним. Хозяин манора взял жену-нормандку, и она принесла ему в приданое манор где-то на севере, за Ноттингемом, но Аспли для него все равно главное владение. А что тебе Аспли? Откуда ты знаешь Аспли?

– Увидел на коне под дождем, – ответил Кадфаэль просто. – Он привез своего младшего сына, которого Небо или преисподняя склонили к монашеской жизни. Мне интересно почему, вот и все.

– Почему? – Хью пожал плечами и улыбнулся. – Манор небольшой, есть старший сын. Младшему не достанется земли, если только у него нет воинственных наклонностей и он не добьется для себя чего-нибудь сам. А монастырь, церковь – неплохое будущее. Толковый парень может тут пойти дальше, чем на стезе наемника. Что тут непонятного?

Перед мысленным взором Кадфаэля, как бы подтверждая сказанное Хью, предстала фигура еще молодого, энергичного Генри Блуа. Только вот есть ли у мальчика, державшегося так напряженно и взволнованно, те качества, которые в будущем помогут сформироваться правителю?

– А что представляет собой его отец? – Кадфаэль уселся рядом с другом на стоящую у стены широкую скамью.

– Он из семьи более древней, чем Этельред. Гордый, как сам дьявол, хотя все, что у него есть, – это два манора, записанные на него. Знаешь, как у местных баронов – каждый держит свой маленький двор. Остались еще такие, затерянные в лесах, среди холмов. Ему, должно быть, за пятьдесят, – безмятежно говорил Хью, перебирая в уме сведения, известные ему по долгу службы, о манорах и их хозяевах, за которыми он в эти нелегкие времена следил

бдительным оком. – Репутация этого человека, его слово ценятся высоко. Сыновей я никогда не видел. Сколько лет этому отпрыску?

– Девятнадцать. Так было сказано.

– Что тебя беспокоит? – добродушно спросил Хью и, бросив понимающий взгляд на грубоватый профиль Кадфаэля, стал терпеливо ждать ответа.

– Его покорность, – ответил Кадфаэль и поймал себя на том, что его воображение разыгралось, а язык неосторожно развязался. – По природе он необузданный. И глаза у него дерзкие, как у сокола или фазана, брови – нависающая скала. А руки складывает и веки опускает, словно служанка, которую распекают.

– Он отрабатывает искусство смирения и изучает аббата, – проговорил Хью спокойно. – Так они и поступают, толковые ребята. Тебе же приходилось видеть их.

– Приходилось.

Действительно, некоторые из них были глуповаты, но честолюбивы – молодые парни, наделенные способностями, позволяющими достигнуть определенного предела, но не выше и не дальше, однако домогавшиеся гораздо большего, чем то, что соответствовало их талантам. Но Кадфаэль чувствовал, что юный Аспли не из их числа. Жажда быть принятым, получить избавление – казалось, для мальчика это желанный финал, последняя точка. Кадфаэль сомневался, видят ли вообще эти соколиные глаза что-нибудь за пределами монастырских стен. – Те, что хотят закрыть за собой дверь, либо стремятся потом вернуться в мир, либо бегут от него. Между ними есть разница. Только знаешь ли ты, как их отличить друг от друга?

Глава вторая

Год выдался урожайный. В садах Гайи в октябре созрели яблоки, а поскольку погода стала переменчивой, братия поспешила воспользоваться тремя ясными днями и собрать плоды. К работе были привлечены все, кроме учеников школы, – монахи, служки, послушники. Да и работа была приятной; особенно радовались молодые, которым было разрешено залезать на деревья, подоткнув рясы до колен, – они как бы возвращались на короткое время к мальчишеским забавам.

У одного из горожан была хижина неподалеку от земель аббатства; там он держал коз, а рядом стояли ульи, и ему позволялось косить траву под деревьями сада, потому что своей земли ему было мало для выпаса коз. В тот день он работал с утра, серпом срезая последнюю в этом году высокую траву, выросшую вокруг деревьев, куда косой не подобраться. Кадфаэль с удовольствием поработал вместе с ним, и теперь они сидели, отдыхая, под одной из яблонь и обменивались подходящими случаю любезностями. Кадфаэль, знавший почти всех жителей Шрусбери, помнил, что у этого человека целый выводок детей, и следовало расспросить, как они поживают.

Потом Кадфаэль ругал себя, что отвлек внимание собеседника и тот, прислонив серп к дереву, забыл о нем, когда младший сынишка, лягушонок ростом не выше колен отца, прибежал вприпрыжку звать его на полуденную трапезу – хлеб с элем. Как бы то ни было, серп остался у ствола яблони в росшей пучками траве. Кадфаэль поднялся, с некоторым трудом разогнулся и снова стал собирать яблоки, а его собеседник поднял сына на руки и, слушая его лепет, заторопился к хижине.

Тем временем соломенные корзины весело наполнялись. Это был не самый богатый урожай, который Кадфаэлю приходилось снимать в этом саду, но все же неплохой. Теплый день, мягкий свет прикрытого дымкой солнца, река, тихо и мирно текущая между полями и городом, силуэты высоких башен, густой запах урожая – перемешанные ароматы плодов, сухой травы, осыпающихся семян и напитавшихся летним теплом деревьев, медленно погружающихся в зимнюю спячку, – сладкий осенний воздух; неудивительно, что напряжение спало у всех и на сердце стало легче. Руки работали, головы отдыхали. Кадфаэль заметил, с каким усердием трудился брат Мэриет: широкие рукава рясы закатаны, крепкие молодые руки обнажены, полы подоткнуты, видны гладкие загорелые колени, капюшон отброшен на плечи, темноволосая взлохмаченная голова, пока еще без тонзуры, подставлена солнцу. Лицо светилось, карие глаза широко открыты. Юноша улыбался. Улыбка не была обращена к кому-то в отдельности, просто она свидетельствовала об удовольствии, пусть даже непрочном, кратковременном, которое доставляла Мэриету работа. Вернувшись к нелегкому для него труду, Кадфаэль выпустил юношу из виду. Возможно, за таким делом, как сбор яблок, и можно было бы мысленно погрузиться в молитвы, только и сам Кадфаэль был полностью поглощен чувственной радостью, которую дарил прекрасный день, и, как показалось монаху по лицу брата Мэриета, молодой человек ощущал то же самое. И это очень ему шло.

К несчастью, случилось так, что самый толстый и неловкий из послушников решил залезть на дерево, у которого по-прежнему стоял серп, и, хуже того, надумал забраться повыше, чтобы дотянуться до соблазнительной грозди яблок. А дерево было из породы тонкоствольных, к тому же ветви его под грузом плодов ослабли. Не выдержав нагрузки, одна ветвь обломилась, и, вызвав шквал обрушившихся листьев и плодов, парень полетел вниз, прямо на торчавшее кверху острие серпа.

Падение было весьма впечатляющим, с полдюжины товарищей услышали шум и прибежали, Кадфаэль впереди всех. Бедняга лежал недвижимо, раскинув руки и ноги, ряса его задралась, на боку виднелся длинный порез, и из него ручьем текла кровь, пропитывая и рукав

рясы, и траву вокруг. Все являло собой картину неожиданной насильственной смерти. Неудивительно, что не имеющие жизненного опыта молодые люди, узрев сие, были ошеломлены и закричали от ужаса.

Брат Мэриет находился несколько в отдалении и не слышал шума падения. Ничего не подозревая, он пробирался между деревьев к дорожке, которая шла по берегу реки, и прижимал к себе большую корзину яблок. Когда он подошел ближе, его взгляд, только что ясный и спокойный, упал на распростертое тело, прорезанную рясу и лужу крови. Мэриет остановился как вкопанный, затем отшатнулся и наткнулся пятками на комья торфа. Корзина выпала у него из рук. Яблоки покатались по земле.

Юноша не издал ни звука, но Кадфаэль, который стоял на коленях рядом с лежащим послушником, удивленный посыпавшимся сверху дождем яблок, поднял глаза – и увидел над собой лицо человека, будто перенесшегося из мира жизни и света в неподвижный мир тлена и праха, мир смерти. Остановившиеся глаза казались зелеными стекляшками, в их глубине не было света. Не мигая, они смотрели на человека в траве, который, похоже, был мертв. Лицо Мэриета превратилось в маску, побелело, черты заострились. Казалось, оно теперь никогда больше не оживет.

– Глупый мальчишка! – закричал Кадфаэль, ощутив прилив бешенства при виде этого немного олицетворения ужаса. Один такой непутевый уже был у него на руках. – Подбери свои яблоки и убирайся с моих глаз, если ничем больше помочь не можешь! Ты что, не видишь, этот парень просто слегка отшиб немногие имеющиеся у него мозги, стукнувшись головой о ствол, да кожу на ребрах о серп ободрал. Хоть кровь и льет, как из зарезанной свиньи, он жив и будет жить.

Действительно, как бы в подтверждение его слов, жертва собственной неосмотрительности открыла глаза, с изумлением огляделась, будто в поисках недруга, который сыграл с ним эту шутку, и начала многословно жаловаться на свои раны и ушибы. Все вздохнули с облегчением и окружили беднягу, наперебой предлагая свою помощь, а Мэриет с тупой покорностью стал собирать рассыпанные яблоки, не произнося при этом ни слова. Ледяная маска оттаивала очень медленно, веки прикрыли зеленые глаза раньше, чем в их глубине зажегся свет.

Рана, как Кадфаэль и говорил, оказалась на поверку длинной, неровной, но неглубокой царапиной; пострадавшего туго обмотали рубашкой, пожертвованной одним из послушников, завязав сверху полоской полотна, которой раньше была обвязана сломанная ручка одной из корзин. От удара на макушке парня выросла шишка, и голова болела, однако ничего худшего не произошло. Раненого, как только он почувствовал, что может встать и держаться на ногах, отправили в аббатство в сопровождении двух его товарищей, достаточно высоких и сильных, чтобы, сделав стул из сплетенных рук, донести его до кровати, если тот вздумает упасть. О происшествии напоминала только подсыхающая лужица крови на траве да серп, за которым прибежал перепуганный мальчишка. Он вертелся вокруг, пока Кадфаэль, оставшись наконец один и погладив его по голове, не успокоил, сказав, что особой беды не случилось и никто не упрекает его отца за допущенную оплошность. Несчастные случаи бывают, и не только с забывчивыми хозяевами коз и толстыми неуклюжими отроками.

Как только Кадфаэль избавился от всех, он получил наконец возможность поразмышлять над вопросом, который его интересовал и ответа на который у него еще не было. Вон парень, одна из фигур в черных рясах, трудится не разгибаясь; он ничем не отличается от других, только все время прячет лицо и молчит, не произносит ни слова, тогда как остальные, пронзительно вопя, обсуждают происшествие и, понемногу утихая, становятся похожими на стайку воробьев. В движениях Мэриета была заметна какая-то скованность, будто двигалась деревянная кукла; а если кто-нибудь приближался, он отворачивался. Он не хотел, чтобы на него смотрели, по крайней мере пока он снова не сможет владеть своим лицом.

Они отнесли собранные яблоки в обитель и разложили на чердаке большого сарая для сена, стоящего на главном дворе; эти поздние яблоки будут храниться до Рождества. Время подходило к вечеру, когда братия возвращалась к себе. Кадфаэль поравнялся с Мэриетом и пошел рядом. Он владел искусством проникать в души заинтересовавших его людей, ничем не выдавая своей цели. Он вел себя просто и спокойно, своим видом как бы говоря, что все они похожи между собой и живут в одном мире.

– Много шума из-за нескольких дюймов кожи, – проговорил Кадфаэль извиняющимся тоном. – Я сгоряча нагрубил тебе, брат. Прости. С ним легко могло случиться то, о чем ты подумал. Мне тоже так поначалу показалось. Теперь мы оба можем вздохнуть свободнее.

Голова, только что склоненная, быстро повернулась в сторону Кадфаэля. Настороженный взгляд зелено-золотых глаз был подобен короткой вспышке молнии, тут же погашенной. Тихий голос удивленно произнес:

– Да, благодарение Богу! И спасибо тебе, брат!

Кадфаэль подумал, что обязательное обращение «брат» пришло в голову юноше в последнюю минуту и несколько запоздало, однако оценил это.

– От меня было мало толку, ты прав. Я... не привык... – Мэриет запнулся.

– Да и когда тебе было привыкнуть, мальчик? Я вдвое, и даже больше, старше тебя и поздно надел сутану, не то что ты. Я видел смерть в разных ее обличьях. Мне довелось быть и солдатом, и матросом во время крестового похода, и потом еще десять лет после того, как Иерусалим пал. Я видел убитых в бою. Если уж на то пошло, и сам в бою убивал. И никогда, насколько я помню, не испытывал от этого радости, но, дав клятву, никогда и не отступал.

Что-то произошло рядом с Кадфаэлем: монах почувствовал, как тело юноши напряглось и сам он весь обратился в слух. Может, из-за упоминания клятв, других, не монашеских, но тоже затрагивающих вопросы жизни и смерти? Кадфаэль, как рыбак, на крючке у которого бьется хитрая добыча, продолжал вести незначительный, легкий разговор, усыпляя возможные подозрения, завлекая, – то, что за последние годы он делал очень редко. Нельзя было допустить, чтобы предписываемый Орденом отказ от мира, став у него на пути, помешал твердому намерению облегчить жизнь Мэриета, – ведь речь шла о душе, до предела истерзанной самоосуждением. Словоохотливый старый брат, перебирающий пережитые в прошлом приключения, обошедший в своих скитаниях полсвета, – что могло быть более безобидным и более обезоруживающим?

– Я сражался вместе с Робертом Нормандским. Кого среди нас только не было: бритты, нормандцы, фламандцы, шотландцы, бретонцы – всех не перечислишь! Когда город был взят и Болдуин коронован, большинство вернулись домой; на возвращение ушло два-три года. Ну а меня к тому времени взяли служить на море, и я остался. Там вдоль берега водились пираты, у нас всегда была работа.

Молодой человек не пропустил ни слова из того, что говорил Кадфаэль; он дрожал, как необученная, но породистая охотничья собака, слышавшая звук рога; однако ничего при этом не произнес.

– А в конце концов я вернулся домой, потому что здесь мой дом и я чувствовал, что мне это нужно, – продолжал Кадфаэль. – Какое-то время служил наемником тут и там, а потом утомился, пришло время зрелости. Но я хорошо побродил по свету.

– А теперь – что ты делаешь здесь? – В голосе Мэриета слышался неподдельный интерес.

– Выращиваю травы, потом сушу их и готовлю лекарства для больных, которые приходят к нам. Я лечу еще многих помимо нашей братии.

– И ты доволен жизнью? – Это прозвучало как заглушенный крик протеста; выходило, что Кадфаэль не должен быть доволен.

– Лечить людей – после того как долго наносил им раны? Что может быть лучше? Человек делает то, что ему повелевает делать долг, – осторожно произнес Кадфаэль, – сражаться,

если он обязался сражаться, или уговаривать бедняг не воевать, или убивать, или умирать, или лечить. Полно людей, считающих, что имеют право указывать тебе, как жить, но пробиться сквозь толпу и найти истину можешь только ты сам, если озарение укажет тебе, куда идти. Знаешь, что мне далось труднее всего? Повиновение. Я ведь уже стар.

«И я свое отгулял, да еще как! – добавил он про себя. – Интересно, что же я пытаюсь сделать сейчас? Предостеречь парня, чтобы не торопился принести дар, которого принести не может, потому что сам еще не обрел его?»

– Верно! – вдруг воскликнул Мэриет. – Каждый должен делать то, что на него возложено, и не задавать вопросов. Это и есть повиновение? – Он повернулся к Кадфаэлю, и тому показалось, что у юноши такое выражение лица, будто он, как некогда сам Кадфаэль, только что поцеловал рукоять своего кинжала и дал обет пролить кровь за дело для него столь же святое, каким было когда-то для Кадфаэля освобождение гроба Господня.

Мэриет все время не выходил у Кадфаэля из головы, и после вечерни, припоминая случившуюся днем беду, он поделился с братом Павлом своей тревогой. Павел оставался с детьми в монастыре, и ему рассказали только о неудачном падении брата Волстана, но о необъяснимом ужасе, охватившем Мэриета, Павел не знал ничего. – В общем, ничего странного, что он испугался, – увидев лежащего в крови человека, они все были потрясены. Но он, несомненно, ощутил что-то необыкновенно страшное.

Брат Павел при мысли о своем трудном подопечном с сомнением покачал головой:

– Он всегда все воспринимает крайне остро. Я не нахожу в нем спокойствия и уверенности, которые свойственны истинному призванию к монашеской жизни. О, он само воплощение послушания: что бы я ему ни велел, он все делает, какую бы работу ему ни поручили, он ее выполняет, – это та телега, которая бежит впереди лошади. У меня никогда не было более старательного воспитанника. Но другие не любят его – он их избегает. От тех, кто пытается приблизиться к нему, он отворачивается и при этом бывает груб и резок. Он предпочитает одиночество. Говорю тебе, Кадфаэль, я никогда не видел послушника, который исполнял бы свое послушничество так старательно и так безрадостно. Ты хоть раз видел, чтобы он улыбнулся, с тех пор как попал сюда?

«Да, один раз видел, – подумал Кадфаэль, – днем, как раз перед тем, как упал Волстан. Тогда Мэриет собирал яблоки в саду; он первый раз вышел за пределы монастыря после того, как отец привез его».

– Как ты думаешь, может, вызвать его на капитул? – с сомнением в голосе спросил Кадфаэль.

– Мне кажется, я придумал лучше, по крайней мере, я надеюсь на это. Когда имеешь дело с подобной натурой, не хочется жаловаться, тем более что прямых оснований для жалоб нет. Я поговорил о нем с отцом аббатом. «Пошли его ко мне, – сказал Радульфус, – и успокой, объясни, что я здесь для того, чтобы каждый, кто испытывает нужду во мне, от самого младшего из мальчиков до любого из монахов, мог откровенно говорить со мной». И что из этого вышло? «Да, отец мой; нет, отец мой; хорошо, отец мой!» – и ни слова, которое бы шло от сердца. Единственное, что заставляет его раскрыть рот, – это заявление, что он совершил ошибку, придя сюда, и что ему нужно снова все обдумать. Тут-то он быстренько становится на колени и молит, чтобы срок его испытания сократили, чтобы ему разрешили как можно скорее постриг. Отец аббат прочел ему длинное наставление о смирении и о том, как правильно употребить год послушничества, и мальчик принял все близко к сердцу, во всяком случае так казалось, и обещал быть терпеливым. И все же он торопит. Книги он проглатывает быстрее, чем я успеваю снабжать его ими, он стремится приблизить время пострига любой ценой. Менее расторопные обижаются на него. Те, кому удается поспеть за ним, при том что они начали на

два или более месяца раньше, говорят, что он их презирает. То, что он их избегает, я видел сам. Не буду отрицать, он беспокоит меня.

Беспокоился и Кадфаэль, хотя ничем не обнаруживал силу своего беспокойства.

– Я могу только удивляться, – продолжал брат Павел задумчиво. – «Передай ему, что он может приходить ко мне, как к своему отцу, ничего не боясь», – говорит аббат. Будет ли это поддержкой для парня, только что покинувшего родной дом? Кадфаэль, ты видел их, когда они приехали? Обоих вместе?

– Видел, – осторожно ответил Кадфаэль, – но только несколько минут, пока они спешили, отряхивались от дождя и заходили внутрь.

– Когда это тебе требовалось больше минуты? – хмыкнул брат Павел. – Ну а его отец! Я был при этом, видел, как они прощались. Без единой слезинки, несколько сухих слов – и отец ушел, оставив сына со мной. Я и раньше видел, многие так поступали, страшась расставания не меньше, чем их дети, а может, и больше. – Судьба лишила брата Павла возможности обзавестись детьми, давать им имена, нянчить, растить, однако было в нем, этом монахе, что-то, что обнаружил аббат Хериберт, человек мягкий и не слишком дальновидный, а обнаружив, доверил ему воспитание мальчиков и послушников, – и этого доверия Павел ни разу не обманул. – Но я никогда раньше не видел, чтобы отец уходил, не поцеловав сына. Никогда. А старый Аспли ушел.

Ночью, часа через два после повечерия, единственным светом в дормитории оставался свет от небольшой лампы, горевшей у подножия черной лестницы, а единственными звуками – доносившийся иногда вздох кого-нибудь из спящих, который поворачивался на другой бок, или тихие осторожные шаги бодрствующего брата. В конце дормитория у приора Роберта был собственный угол, который как бы венчал, замыкая, весь длинный открытый коридор, по обе стороны которого жила остальная братия. Бывали случаи, когда кто-нибудь из молодых монахов, еще не освободившихся от греха старика Адама, радовался крепкому сну приора. Было известно, что и Кадфаэль покидал иногда ночью свое ложе и выскальзывал наружу, если для этого находились достаточно веские причины. Его первые встречи с Хью Берингаром, до того как этот молодой человек завоевал Элин и получил свою должность, происходили именно ночью, и, выходя из монастыря, Кадфаэль не спрашивал разрешения. И никогда не пожалел об этом! А то, о чем Кадфаэль не сожалел, ему очень трудно бывало припомнить на исповеди. Хью был тогда для него загадкой, непонятным молодым человеком, который мог оказаться и другом, и врагом. Постепенно, раз за разом, Кадфаэль научился доверять Хью, и тот стал его другом, самым близким и самым дорогим.

После сбора яблок Кадфаэль лежал в ночной тишине без сна, серьезно задумавшись, но не о Хью Берингаре, а о юном Мэриете, который, увидев лежащего в траве человека и решив, что тот заколот ножом, остолбенел и у которого на лице отразилось такое отчаяние. Как будто увидел призрак! Раненый послушник лежал сейчас в своей постели, неподалеку от Мэриета, и спал; может, его сон был не очень спокойным, потому что под тугой повязкой болели ребра, но он не издавал ни звука, так что, наверное, спал крепко. Спал ли Мэриет вполночь так же крепко? Почему он так живо представил себе истекающего кровью мертвого человека? Где довелось ему видеть подобное?

Тишина была полнейшей; до полуночи оставалось больше часа. Даже те, кто обычно спал тревожным сном, сегодня погрузились в мир и покой. Мальчики, которые по распоряжению аббата были отделены от старших, спали в небольшой комнате в конце коридора, а брат Павел занимал помещение, которое было как бы щитом, прикрывавшим их территорию. Аббату Радульфусу было известно, какие непредвиденные опасности могут подстергать даже невинные души, обреченные на целомудрие.

Брат Кадфаэль спал вполглаза, как ему в свое время часто приходилось спать в военных лагерях, на полях битвы или на палубе корабля, завернувшись в матросский плащ под звездами

Средиземноморья. Мыслями он возвращался на восток, в прошлое, и при этом, как и тогда, оставался начеку в ожидании опасности, даже если никакой опасности быть не могло.

Вдруг раздался ужасный крик, и темнота и тишина разлетелись в клочья, как будто две демонические руки разорвали сон всей братии да и саму ночь. Вопль взлетел высоко под крышу и, порождая дикое эхо, бился там о балки, как летучая мышь. Слышались отдельные слова, но разобрать их было невозможно, только неясное бормотание, вскрики, похожие на проклятия, прерываемые всхлипами и паузами, чтобы сделать вдох.

Прежде чем вопль достиг высшей точки, Кадфаэль вылетел из постели, ошупью добрался до прохода и бросился туда, откуда несся крик. К этому моменту, похоже, проснулись все: Кадфаэль слышал невнятный перепуганный лепет и произносимые в отчаянии слова молитвы; разглядел в темноте приора Роберта, заспанного,двигающегося очень медленно: тот сердито спрашивал, кто посмел нарушить покой. Позади помещения, где спал брат Павел, слышалась какофония детских голосов; два самых маленьких мальчика проснулись и в испуге стали выть от ужаса. Ничего удивительного: никогда еще их сон не был так грубо нарушен, а малышам было всего по семь лет. Павел понесся успокаивать их. Крики между тем не прекращались, громкие, жалобные, то угрожающие, то испуганные. Святые обращаются к Богу. А к кому обращался этот неистовый, яростный голос, с кем он изъяснялся на своем языке боли, гнева и угроз?

Кадфаэль схватил свечу и, чтобы зажечь ее, двинулся к лампе у лестницы, прокладывая себе дорогу в темноте, постоянно натываясь на бесцельно снующие тела, мешавшие ему. Крики, угрожающие, тоскливые и по-прежнему бессвязные, продолжали раздирать его слух, а дети жалобно выли в своих углах. Кадфаэль добрался до лампы, зажег свечу; ее фитиль вспыхнул и стал ровно гореть, освещая лица с открытыми ртами и широко распахнутыми глазами, а высоко вверху – балки крыши. Кадфаэль уже понял, где надо искать нарушителя спокойствия. Раздвинув локтями толпившихся, он понес свечу к постели Мэриета. За ним неуверенно, робко двинулись остальные; они топтались, глядя во все глаза, но подойти ближе боялись.

Брат Мэриет сидел на постели, прямой, как струна; он дрожал, что-то бормотал, вцепившись в одеяло сведенными судорогой пальцами. Голова его откинулась назад, глаза были крепко закрыты. На окружающих это подействовало успокаивающе: казалось, спящий не испытывает мук, и, если бы удалось изгнать ужас из его сновидений, он проснулся бы невредимым. Тех, кто подошел первыми и толпился в проходе, пяля глаза на Мэриета, уже почти догнал приор Роберт, готовый без колебаний схватить юношу за плечи и гневно потрясти. Но Кадфаэль успел раньше обнять напрягшееся тело и прижать к себе. Мэриет вздрогнул, ритм его горестных воплей сбился, юноша икнул и замолк. Кадфаэль поставил на пол свечу, провел ладонью по лбу юноши и мягко заставил его опустить голову на подушку. Дикие крики перешли в жалобный детский скулеж, Мэриет, заикаясь, что-то проговорил и затих. Оцепеневшее тело поддалось, обмякло, упало в постель. К тому времени как приор Роберт добрался до Мэриета, ослабевший юноша уже крепко спал, освободившись от мучившего его демона, в полном неведении о том, что произошло.

На следующий день брат Павел привел Мэриета на капитул. Наставник послушников хотел, чтобы ему подсказали, как вести себя с человеком, явно пребывавшем в духовном смятении. Самого Павла могло бы удовлетворить одно-двухдневное наблюдение за молодым человеком. Он постарался бы выпытать у юноши, какая беда, приключившаяся с ним, могла вызвать ночной кошмар, и вместе они вознесли бы молитвы, призывающие мир в душу Мэриета. Однако приор Роберт не хотел и слышать об отсрочке. Да, накануне послушник пережил ужасное потрясение из-за несчастного случая с его товарищем; но ведь то же пережили и другие трудившиеся в саду, однако никто не разбудил дормиторий своими воплями. Приор Роберт считал, что это проявление, пусть неосознанное, своенравности, хвастовства и самомнения

вызвано кознями вселившегося в Мэриета демона и что изгнать дьявола можно лишь плетью. Брат Павел восстал против немедленного умерщвления плоти. Пусть решает аббат.

Мэриет, пока обсуждался его непреднамеренный проступок, стоял в центре собрания, опустив глаза и сцепив руки. Как и остальные, которые быстро пришли в себя и заснули, стоило тревоге улечься, он проснулся с первым ударом колокола, сзывавшего к заутрене, и, спускаясь по лестнице, не мог понять, почему все молчат – одни с опаской косятся на него, а другие и вовсе стремятся отойти подальше. Все это и сказал Мэриет, когда его просветили относительно его недостойного поведения, и Кадфаэль верил ему.

– Я привел его к вам не как сознательно преступившего правила, а как человека, нуждающегося в помощи, которую один я оказать не могу. Кадфаэль прав, – продолжал брат Павел, – меня самого не было вчера вместе со всеми в саду, – этот несчастный случай с братом Волстаном взволновал всех, а когда подошел брат Мэриет, его никто не предупредил о случившемся и увиденное потрясло юношу. Он испугался, что бедный парень умер. Возможно, эта мучительная для него мысль превратилась в наваждение и нарушила сон, и сейчас нужны только покой и молитва. Подскажите, как мне поступить.

– Получается, он все это время спал? – Радульфус бросил задумчивый взгляд на смиренно склонившуюся перед ним фигуру. – Не просыпаясь, поднял на ноги весь dormitorio?

– Да, спал, – ответил Кадфаэль твердо. – Разбудить его в таком состоянии значило бы причинить ему большое зло. Когда я осторожно уложил его, он погрузился в самые далекие глубины сна, и это излечило его страдания. Уверен, он ничего не подозревал о поднявшемся переполохе, пока ему не рассказали утром.

– Это правда, отец мой, – произнес Мэриет, подняв на мгновение глаза. – Мне рассказали обо всем, и, видит Бог, я очень сожалею. Но клянусь, я не знал ничего о своем проступке. Если мне приснился дурной сон, я ничего не помню. Я не знаю, почему все так произошло. Для меня это такая же тайна, как и для всех остальных. Могу только надеяться, что больше этого не случится.

Аббат в раздумье нахмурил брови:

– Странно, что ты так встревожился без всякой причины. Вероятно, потрясение, вызванное видом брата Волстана, лежащего в луже крови, явилось причиной твоей взволнованности. Но то, что ты не смог управлять своим духом – не свидетельствует ли это о том, сын мой, что с принесением клятвы следует подождать?

Из всех предлагавшихся способов наказания только этот, похоже, напугал Мэриета. Он внезапно бросился на колени, причем движение его было столь грациозно, что широкая ряса взметнулась и разлегалась вокруг его тела как рыцарский плащ. Юноша поднял голову, с отчаянием взглянул на аббата и умоляюще протянул к нему руки:

– Отец мой, помоги мне, поверь! Я хочу только одного – вступить в монастырь, обрести мир и покой и выполнять все, что потребует от меня Устав. Я хочу обрубить все нити, связывавшие меня к прошлому. Если я виноват, если я согрешил, намеренно или невольно, излечи меня, накажи меня, наложи на меня епитимью, какую только сочтешь нужной, только не гони меня!

– Мы не отказываемся так легко от кандидатов в наш Орден, – произнес аббат Радульфус, – и не отворачиваемся от тех, кому требуется помощь. Существуют лекарства, которые успокаивают слишком разгоряченный мозг. У брата Кадфаэля они есть. Но к их помощи следует прибегать только в случае крайней необходимости, а для тебя лучший способ исцеления – молитвы и стремление научиться владеть собой.

– Я бы скорее достиг этого, – продолжал Мэриет со всей возможной страстью, – если бы ты сократил срок моего испытания, разрешил мне дать обет и начать полностью жить монашеской жизнью. Тогда не останется ни сомнений, ни страха...

«Ни надежды», – добавил про себя Кадфаэль, взглянув на юношу, и, продолжая наблюдать за ним, подумал, а не пришла ли та же мысль в голову аббату.

– Истинно монашескую жизнь надо заслужить, – ответил аббат резко. – Ты еще не готов дать обет. И ты, и мы должны проявить терпение; пройдет время, и ты будешь достоин стать одним из нас. Чем больше спешка, тем дальше цель. Помни это и старайся обуздать свои порывы. А пока подождем. Я допускаю, что поступок твой ненамеренный, и молю Бога, чтобы впредь подобные потрясения миновали тебя. Теперь иди. Брат Павел передаст тебе наше решение.

Мэриет бросил быстрый взгляд на окружавшие его серьезные лица и вышел, предоставив братьям обсуждать его судьбу. Приор Роберт, как всегда, немедленно распознал в смирении юноши немалую гордыню и считал, что умерщвление плоти с помощью тяжелого физического труда, сурового поста, а также самобичевания позволит сосредоточиться и очистит растревоженный дух. Некоторые члены капитула смотрели на дело просто: поскольку послушник не хотел совершить ничего дурного, его не следовало наказывать, однако в интересах всеобщего спокойствия, быть может, было бы полезно отделить его от собратьев. Брат Павел указал, что это само по себе послужит Мэриету наказанием.

– Вполне возможно, мы беспокоимся понапрасну, – сказал в заключение аббат. – Кому из нас не приходилось провести дурную ночь, когда сон прерывается кошмарами? Все бывает. Ведь ни с кем из нас, в том числе и с детьми, ничего плохого не произошло. Почему бы не посчитать, что подобное больше не повторится? Между дормиторием и комнатой мальчиков есть две двери, при необходимости их можно закрывать. А если потребуется, можно принять и другие меры.

Три ночи прошли спокойно, на четвертую все повторилось. Не так страшно, как в первый раз, но все же переполох поднялся изрядный. Диких воплей не было, однако дважды или трижды, с перерывами, Мэриет произнес какие-то слова, и то, что удалось разобрать, вызвало у его собратьев-послушников глубокое смятение. Они стали относиться к юноше с еще большей опаской.

– Он несколько раз выкрикнул: «Нет, нет, нет!» – докладывал брату Павлу на следующее утро ближайший сосед Мэриета. – А потом проговорил: «Хорошо, хорошо!» – и что-то о покорности и долге... Потом снова завопил: «Кровь!» Я проснулся и заглянул к нему – брат Мэриет сидел в кровати, ломая руки. Потом он опять лег, и больше ничего. Только с кем он разговаривал? Боюсь, им овладел дьявол. А что может быть еще?

Брат Павел отверг столь безумное предположение, но тем не менее не мог отрицать, что сам слышал эти слова, вызвавшие и у него беспокойство. Мэриет снова был поражен, узнав, что он вторично оказался причиной переполоха, и утверждал, что не помнит, чтобы ему пришло в голову во сне что-то дурное, и живот ночью тоже не болел.

– На этот раз никто сильно не перепугался, – сказал брат Павел Кадфаэлю после литургии. – Он кричал негромко, и дверь к детям мы закрыли. Я, как мог, прекратил всякие пересуды, но они боятся Мэриета. Им нужен душевный покой, а он – угроза этому покою. Они говорят, что во время сна в него вселяется дьявол, что это дьявол привел его сюда и неизвестно, в кого еще он вздумает вселиться. Я слышал, как они называли Мэриета послушником дьявола. Это-то, по крайней мере, я пресек, вслух они такого больше не произносят. Но думать не запретишь.

Сам Кадфаэль тоже слышал страдальческие вскрики, на этот раз приглушенные, слышал боль и отчаяние в голосе Мэриета и пришел к заключению, что причина происходящего, несомненно, была земной. Однако неудивительно, что неопытные юнцы, доверчивые и суеверные, боялись и думали иначе.

Все это происходило в середине октября, в тот же день, когда каноник Элюар из Винчестера, сопровождаемый писцом и конюхом, на пути из Честера на юг остановился отдохнуть пару дней в Шрусбери. Решение его было продиктовано отнюдь не религиозной политикой или простой учтивостью, а тем фактом, что в стенах обители Святых Петра и Павла находился послушник Мэриет Аспли.

Глава третья

Каноник Элюар был известен как человек очень образованный, имел несколько ученых степеней, причем часть их была получена во Франции. Благодаря своей учености и широкому кругозору Элюар снискал расположение епископа Генри Блуа, и тот сделал каноника самым приближенным из всех священнослужителей, окружавших его. Перед отъездом во Францию влиятельный прелат доверил Элюару большую часть своих сложных дел.

Брат Кадфаэль стоял слишком низко на иерархической лестнице, чтобы быть приглашенным к столу аббата, когда тот принимал гостей ранга каноника Элюара. Кадфаэль воспринимал это спокойно, тем более что сведения обо всем происходящем в мире он все равно получал из первых рук: в отсутствие шерифа Хью Берингар, само собой разумеется, должен был присутствовать на всех встречах, где обсуждались вопросы политики, ну а затем он в точности передавал все, что ему показалось важным, Кадфаэлю, своему второму «я».

Проводив каноника в отведенные ему покои монастырского странноприимного дома, Хью, зевая, отправился в сарайчик Кадфаэля.

– Замечательный человек! Неудивительно, что епископ Генри ценит такого. Ты видел его, Кадфаэль?

– Видел. Я случайно оказался во дворе, когда он прибыл. – Перед мысленным взором Кадфаэля возник крупный, представительный мужчина, который, несмотря на свою дородность, ездил верхом не хуже любого егеря, причем с самого детства. Тонзура в густых волосах на круглой тяжелой голове, щеки выбриты до синевы. Шитая по последней моде, но строгая одежда; единственные драгоценности – крест и кольцо, но зато это подлинные произведения искусства. Внушительная челюсть и властный взгляд, пронизательный, исполненный достоинства. – А что он делает в наших краях, теперь, когда его епископ уехал?

– То же, ради чего его епископ отправился в Нормандию, – добивается помощи у каждого, кто может ее оказать, пытается спасти Англию от окончательного раздробления. Пока Генри во Франции ищет поддержки короля и герцога, ему непременно следует вызнать намерения графа Ранульфа и его брата. Они ведь не скрывают, что встречались летом, и, наверное, именно поэтому епископ Генри перед самым отъездом во Францию послал своего человека на север выразить почтение обоим и уверить их в своем расположении. Посланцем был один молодой многообещающий священник из ближайшего окружения епископа, Питер Клеменс. И Питер Клеменс не вернулся. Это могло означать что угодно, но время шло, а известий не приходило ни от него, ни от тех двух на севере, и каноник Элюар начал беспокоиться. На юге и на западе наступило небольшое затишье, обе стороны выжидают и следят друг за другом, вот Элюар и решил лично отправиться в Честер и выяснить, что там делается и что стало с посланцем епископа.

– И что же с ним *стало*? – хмыкнул Кадфаэль. – Сейчас, похоже, его милость опять направляется на юг, к королю Стефану. Так как же его встретили в Честере?

– Очень тепло и с таким почтением, какое только может душа пожелать. Если я не ошибаюсь, каноник Элюар, как бы лояльно он ни относился к стараниям епископа Генри установить мир, скорее склоняется на сторону короля, нежели императрицы, и сейчас он возвращается в Вестминстер, чтобы уговорить Стефана ковать железо, пока горячо, лично поехать на север да предложить Честеру и Румэйру что-нибудь лакомое, подкрепить тем самым их расположение. Один-два манора и красивый титул – Румэйр уже сейчас фактически граф Линкольна, так почему бы ему не называться так официально? – и позиция короля может укрепиться. Во всяком случае, Элюар, кажется, считает так. Эти двое доказывали свою преданность много раз. Жена Ранульфа – дочь Роберта Глостерского, однако сам Ранульф тихо сидел дома, когда год или два назад Роберт привез сюда свою царственную сестрицу и собирался начать войну. Так

что, похоже, каноник вряд ли мог быть более удовлетворен тем, что там увидел, это ясно. Но почему это стало ясно только сейчас, почему об этом не поведал месяц назад вернувшийся из поездки Питер Клеменс... Все очень просто! Этот парень туда не доехал, и в Честере так и не узнали, с какой миссией послал его епископ Генри.

– Пожалуй, отсутствие ответа от них можно объяснить и так, – серьезно проговорил Кадфаэль, внимательно глядя на мрачное лицо своего друга. – И куда же Клеменс сумел добраться?

В раздробленной Англии было достаточно ставших совсем дикими мест, где человека могли убить ради одежды или ради лошади. В лесах оставались заброшенные маноры, люди под страхом опасности бежали, и целые деревни опустели. Но в общем север пострадал меньше, чем юг или запад, и лордам вроде Ранульфа Честерского пока удавалось сохранять в своих землях относительный порядок.

– Это-то и пытался выяснить Элюар, повторяя путь Клеменса в обратном направлении, шаг за шагом следуя по дороге, которую вероятнее всего тот мог выбрать. Что он не доехал до Честера – это несомненно. Дальше наш каноник шаг за шагом убеждался, что Клеменса не было и тут, и тут – и так до Шропшира. Никаких следов ни Клеменса, ни его лошади – во всем Чешире.

– Ничего до самого Шрусбери?

Хью явно собирался рассказать еще кое-что. Он задумчиво вертел в своих худых красивых руках кубок, как будто разглядывая его.

– Почти до Шрусбери, Кадфаэль. Элюар повернул назад очень близко от города, не доехав до нас всего несколько миль, и на это у него была веская причина. Последнее, что он смог выяснить о Клеменсе, – это то, что ночь с восьмого на девятое сентября тот провел в доме, хозяину которого приходился дальним родственником со стороны жены. И где, как ты думаешь? В маноре Леорика Аспли, у края Долгого Леса.

– Да что ты! – Кадфаэль, весь внимание, уставился на Хью. Восьмое сентября – а через неделю или около того приехал управляющий Фремунд и передал просьбу своего лорда о том, чтобы его младшего сына, по собственному горячему желанию последнего, приняли в монастырь. *Post hoc*², однако, не означает *propter hoc*³. И какая связь может существовать между тем, что один человек неожиданно почувствовал призвание к монашеской жизни, а другой провел ночь в его доме и утром уехал?

– Каноник Элюар знал, что Клеменс собирался остановиться здесь? Знал про их родство?

– Да, об их родстве и о намерении Клеменса остановиться у Аспли знали и епископ Генри, и Элюар. Весь манор видел, как Клеменс приехал, и все с удовольствием рассказывали, как его приняли. А на следующее утро все обитатели манора, или почти все, провожали его в дорогу. Аспли и управляющий верхом на лошадях проехали с гостем первую милю, и все домочадцы и половина соседей видели, как они отъезжали. Никаких сомнений, Клеменс отправился в путь целым и невредимым и на хорошей лошади.

– А где он собирался провести следующую ночь? Его где-нибудь ждали?

– По словам Аспли, Клеменс собирался сделать еще одну остановку в Витчерче, это добрых полпути до места его назначения, но, зная, что легко найдет там ночлег, он заранее никого не предупредил. В Витчерче не нашли никаких его следов, никто не видел его и не слышал о нем.

– Значит, человек потерялся между нами и Витчерчем?

– Если только у него не изменились планы и он не поехал по другой дороге, для чего, видит Бог, могли быть причины даже здесь, на моей земле, – проговорил Хью удрученно. – Но я надеюсь, что это не так. Тут мы поддерживаем должный порядок, это заявляю я, и пусть кто-

² После этого (*лат.*).

³ Вследствие этого (*лат.*).

нибудь попробует возразить мне; но даже я не уверен, что на безопасность можно рассчитывать всюду. Клеменс мог столкнуться с чем-нибудь таким, что заставило его свернуть в сторону. Только дело-то в том, что он исчез. Причем уж очень надолго.

– И каноник Элюар хочет, чтобы его нашли?

– Живого или мертвого, – сурово проговорил Хью. – Генри тоже захочет, чтобы его нашли и чтобы кто-нибудь ответил за его смерть, ведь он очень ценил Клеменса.

– И поиски целиком возложили на тебя?

– Ну не совсем так, нет-нет. Элюар – человек справедливый, он без всякого раздражения принимает часть ноши на себя. Но наше графство – это мое дело, дело шерифа, и я должен выполнять свои обязанности и нести свою долю груза. Священник пропал на моей земле. И мне это не нравится, – заключил Хью деланно-мягким голосом, в котором прозвучали металлические нотки, как будто блеснула остро отточенная сталь.

Тут Кадфаэль задал вопрос, который с самого начала занимал его больше всего, хотя ответ он знал заранее:

– Почему же, имея в своем распоряжении свидетельства Аспли и всех его домочадцев, каноник Элюар счел необходимым свернуть на несколько миль в сторону и заехать в Шрус-бери?

– Потому, мой друг, что у вас здесь совсем недавно появился и живет в послушниках младший отпрыск этой семьи. Он дотошный, этот каноник Элюар. Он хочет поговорить со всеми, кто принадлежит к этому роду, даже с теми, кто сбился с пути. Кто знает, вдруг единственный человек из всего манора заметил какую-нибудь мелочь, которая окажется полезной?

Это была хорошая мысль, она пронзила мозг Кадфаэля и дрожала там, как попавший в цель дротик. И правда, кто знает?

– Элюар еще не расспрашивал мальчика?

– Нет, из-за такого дела он не станет нарушать вечерние службы – и свой добрый ужин тоже, – добавил Хью, коротко ухмыльнувшись. – А завтра парня приведут к Элюару, и тот сможет обо всем с ним поговорить; а потом каноник отправится на юг к королю, в Вестминстер, и станет уговаривать Стефана поехать укреплять отношения с Честером и Румэйром, пока есть такая возможность.

– И ты будешь присутствовать при разговоре каноника с парнишкой, – не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал Кадфаэль.

– Буду. Если в доверенном мне округе пропал человек, я должен знать все, что только кому-либо известно. Теперь это настолько же мое дело, насколько и Элюара.

– А ты расскажешь мне, что говорил паренек и как он себя вел? – попросил Кадфаэль умильным тоном.

– Расскажу, – пообещал Хью и, собираясь уходить, поднялся.

Во время беседы, которая велась в зале страннопriимного дома в присутствии аббата Радульфуса, каноника Элюара и Хью Берингара – представителей власти церковной и светской, – Мэриет вел себя со стоическим спокойствием. Он отвечал на вопросы просто и прямо, не колеблясь.

Да, он был при том, как мастер Клеменс, прервав свое путешествие, заехал в Аспли. Нет, его не ждали, он приехал без предупреждения, однако дом его родственников открыт для него всегда. Нет, до этого он гостил в Аспли только один раз, несколько лет назад; теперь, став занятым человеком, он постоянно находился при персоне своего хозяина. Да, Мэриет сам отвел на конюшню коня гостя, вычистил, напоил и накормил его, а женщины тем временем ухаживали за мастером Клеменсом. Клеменс был сыном родственника умершей матери Мэриета – нормандская ветвь семьи. Как его принимали? Все лучшее, что было, поставили на стол, а после

ужина слушали музыку; за столом сидела еще одна гостья, дочь хозяина соседнего манора, которая обручена со старшим братом Мэриета Найджелом. Мэриет говорил, широко раскрыв глаза, с ясным, спокойным выражением лица.

– Рассказывал ли мастер Клеменс, в чем заключается его миссия? – неожиданно спросил Хью. – Куда он направляется и зачем?

– Он сказал, что едет по делам епископа Винчестерского. Не помню, по-моему, он больше ничего не добавил, пока я был в зале, но я рано ушел, а потом играла музыка, и они задержались. Я пошел присмотреть за тем, чтобы все было как следует сделано в конюшне. Может, он еще что-нибудь рассказал моему отцу.

– А утром? – спросил каноник Элюар.

– У нас уже все было готово, когда он встал, потому что он предупредил, что должен рано быть в седле. Мой отец с Фремундом, нашим управляющим, и двумя конюхами сопровождали его первую милю, а я, слуги и Айсуда...

– Айсуда? – произнес Хью, насторожившись.

Раньше, когда Мэриет говорил о нареченной брата, он не называл ее имени.

– Мне она не сестра, она дочь покойного владельца манора Фориет, который граничит с нашим с южной стороны. Мой отец – ее опекун и управляет ее землями, а она живет с нами. – Тон его стал на минуту беспечным, – мол, младшая сестра, ничего особо значительного. – Она вместе с нами провожала мастера Клеменса до дверей, а мы, как положено, выказывали ему глубокое почтение.

– И больше ты его не видел?

– Я не поехал с ними. А отец из вежливости проехал чуть дальше, чем следовало, и оставил его уже на хорошей дороге.

У Хью был еще один вопрос:

– Ты занимался его лошадей. И какова же она?

– Прекрасный конь, примерно трехлеток, очень горячий. – В голосе Мэриета зазвучал восторг. – Крупный, темно-гнедой с белой полосой на морде, от лба до носа, и белыми чулками на передних ногах.

Значит, достаточно приметный, его легко будет узнать, если найдут, и такой мог стать лакомой добычей для вора.

– Если кто-то по какой-либо причине убрал человека с этого света, – говорил потом Хью Кадфаэлю в садике, – он бы не бросил такую лошадь. И искать ее надо где-нибудь недалеко, между нами и Витчерчем; а оттуда, где найдется лошадь, потянется и ниточка, которую легко будет проследить. Если уж предполагать худшее, то труп человека можно спрятать, а живая лошадь рано или поздно обязательно попадется на глаза какому-нибудь любопытному, и рано или поздно это дойдет до меня.

Кадфаэль развешивал под крышей своего сарайчика шуршащие пучки трав, высушенных совсем недавно, в конце лета, и в то же время внимательно слушал все, что говорил Хью. Из рассказа Хью следовало, что Мэриета отпустили и юноша ушел, не добавив ничего к тому, что каноник Элюар уже узнал от других обитателей дома Аспли. Питер Клеменс приехал и уехал в полном здравии, на своей прекрасной лошади, под охраной грозного имени епископа Винчестерского. Его учтиво проводили, проехав с ним первую милю предстоящего пути. А потом он исчез.

– Повтори, если можешь, ответы парня, слово в слово, – попросил Кадфаэль. – Там, где не найти ничего интересного в содержании, имеет смысл прислушаться к интонации.

Великолепная память Хью сохранила и слова, и интонации Мэриета, и он в точности передал их Кадфаэлю.

– Только тут ничего нет, если не считать прекрасного описания лошади. Он ответил на все вопросы и все же ничего нового нам не сообщил, потому что ничего не знает.

– Так-то так, но ведь он ответил не на все вопросы, – возразил Кадфаэль. – И я полагаю, что мальчик мог бы рассказать нам кое-что примечательное, хотя сомнительно, чтобы это имело отношение к исчезновению мастера Клеменса. Вспомни, каноник Элюар спросил: «И ты больше его не видел?» А парень ответил: «*Я не поехал с ними*». Однако он не сказал, что больше не видел уехавшего гостя. И еще, когда он говорил о слугах и этой девице Фориет, которые собрались утром, когда Клеменс торопился уехать, он не упомянул среди них своего брата. И не сказал, что брат отправился вместе с отцом провожать Клеменса.

– Верно, – согласился Хью, на которого слова Кадфаэля не произвели особого впечатления. – Но все это абсолютно ничего не означает. Мы ведь тоже не следим за всеми своими словами так, чтобы нельзя было усомниться ни в одном из них.

– Согласен. И все же заметить такие мелочи и подумать о них не вредно. Человек, не привыкший лгать, но вынужденный это делать, будет стараться увернуться, насколько возможно. Ладно, если ты найдешь эту лошадь в чьей-нибудь конюшне милях в тридцати или больше отсюда, ни тебе, ни мне не нужно будет тщательно думать над каждым словом юного Мэриета, потому что охота выйдет за пределы, включающие и его, и его семью. И они смогут забыть о Питере Клеменсе – останется разве что заказать мессу за упокой души родственника.

Каноник Элюар отбыл в Лондон вместе с писцом, конюхом, багажом и всем прочим, намереваясь уговорить короля Стефана нанести на Рождество дипломатический визит двум могущественным братьям, владевшим на севере землями от берегов одного моря почти до берегов другого, и склонить их на свою сторону. Ранульф Честерский и Вильям Румэйр собирались провести праздники вместе со своими женами в Линкольне, и легкая, в разумных пределах, лезть плюс один-два скромных подарка могли принести хорошие плоды. Каноник уже подготовил почву для этого и рассчитывал отправиться в путешествие вместе с королем и его свитой.

– А на обратном пути, – сказал он, прощаясь с Хью на большом дворе аббатства, – я покину двор его величества и заверну сюда; надеюсь, у тебя найдутся для меня какие-нибудь новости. Епископ будет очень тревожиться.

Он уехал, а Хью остался, чтобы продолжать поиски Питера Клеменса, которые теперь практически стали поисками его гнедой лошади. И он вел их энергично, разослав по главным дорогам своих людей – столько, сколько мог собрать, – нанося визиты хозяевам маноров, врываясь в конюшни, расспрашивая путников. Когда обследование самых вероятных мест ночевки Клеменса никаких плодов не принесло, углубились в менее обжитые районы. На севере графства местность была ровной, леса здесь переходили в широкие вересковые пустоши, топи, кустарниковые заросли и разбросанные между ними торфяные болота, заброшенные, не пригодные к разработке; только местные жители, хорошо знающие безопасные участки, резали там торф и складывали его как топливо на зиму.

На краю этой пустыни, с ее болотной трясиной, темнокоричневыми промоинами и спутанным кустарником, под серым невыразительным небом лежал манор Алкингтон. Он находился в ужасном запустении, распаханная земля была мало, и не приходилось ожидать, что в подобном месте на выгуле у какого-нибудь арендатора обнаружится крупный чистопородный конь, достойный того, чтобы на нем ездил принц. Но именно там Хью нашел скакуна с белой мордой и белыми чулками на передних ногах; грива и хвост были спутаны и грязны, но в остальном его состояние было вполне приличным.

Арендатор отнюдь не собирался скрывать коня, как, впрочем, и того, что надеялся получить за него награду. Это был свободный человек, арендовавший землю у лорда Вема; он с готовностью поведал Хью, как у него в конюшне появился неожиданный гость.

– Милорд, он сейчас выглядит гораздо лучше, чем когда пришел сюда: тогда по всему было видно, что он совсем одичал, и дьявол нас заберет, если хоть кто-нибудь догадывался, откуда он. У одного из моих людей есть расчищенный под пашню кусок леса к востоку отсюда,

островок в болоте, он там режет торф для себя и на продажу. Он и резал его, когда увидел коня, бродившего на воле, с седлом, уздечкой и всем прочим, а всадника не было. Мой человек попытался поймать коня, но этот зверюга ни за что не давался. Парень старался изловить его несколько дней, а потом стал оставлять еду; коняга оказался достаточно умным и приходил к обеду, но таким хитрым, что поймать себя не давал. Прежде чем подпустить нас к себе, он весь вымазался в грязи, большая часть упряжи оборвалась и потерялась, а седло съехало и болталось где-то у него под брюхом. В конце концов я взял свою кобылу, мы привели ее туда и таким образом приманили его. Оказавшись у нас в руках, он повел себя достаточно спокойно, казалось, обрадовался, когда с него сняли то, что оставалось от сбруи, и был не прочь снова почувствовать всадника у себя на спине. Но мы и понятия не имели, чей он. Я послал сказать о нем милорду в Вем, а пока мы держим его здесь и ждем приказаний, что с ним делать.

Сомневаться в его словах не было нужды, он говорил правду. И происходило это в одной-двух милях от дороги на Витчерч и на таком же расстоянии от города.

– Вы сохранили сбрую? То, что еще было на нем?

– В конюшне. Возьмите, если надо.

– А человек? Вы потом искали человека?

Болото – это место, где чужак ночью пройти не может, оно опасно для опрометчивого путника даже днем. В торфяных ямах, очень глубоких, лежало немало костей.

– Искали, милорд. У нас есть парни, которые знают здесь каждую болотину, каждую тропинку, каждый островок, к которому можно добраться. Мы решили, что человек слетел с лошади или они свалились вместе, а выбраться смог только конь. Такие случаи бывали. Только никаких следов. Да и сомневаюсь, чтобы этот зверюга, как бы он ни был перепачкан, увязал в грязи глубже, чем по колени, а раз так, у человека было больше шансов удержаться в седле.

– Ты считаешь, – проговорил Хью, пристально глядя на крестьянина, – конь пришел в болота уже без всадника?

– Думаю, так. В нескольких милях к югу лежит лес. Если там есть разбойники, а они обычно пешие, то, положим, человека они могли схватить, но им не удалось удержать этого зверя. Мне кажется, конь сам нашел дорогу сюда.

– Ты покажешь сержанту дорогу к тому человеку, что режет торф на болоте? Может быть, он расскажет нам еще что-нибудь и покажет место, где бродил конь. Исчез один из секретарей епископа Винчестерского, – пояснил Хью, решив довериться этому несомненно честному человеку. – Может, он убит. Это его конь. Если узнаешь что-нибудь еще, пошли за мной, Хью Берингаром, в замок Шрусбери, и ты не просчитаешься.

– Значит, вы его заберете. Бог знает, как его зовут. Я звал его Рыжий.

Он наклонился над плетеной изгородью и щелкнул пальцами; гнедой подошел и доверчиво ткнулся мордой в протянутую ладонь.

– Знаете, привязался я к нему, буду скучать. Шкура у него пока еще не блестит как следует, но это придет. Мы хоть счистили с него колючки, репы и вереск.

– Тебе заплатят за него, – улыбнулся Хью. – Ты честно заработал награду. А теперь я хотел бы посмотреть остатки его упряжи, только сомневаюсь, даст ли это нам что-нибудь.

Послушники шли через большой двор монастыря на послеполуденные занятия, и по чистой случайности в это самое время Хью Берингар подъехал к сторожке аббатства, ведя в поводу коня, которого для удобства стали звать Рыжим. Хью направился к конюшне, чтобы передать коня в руки конюхов. Он решил, что лучше держать его здесь, а не в замке, потому что конь принадлежал епископу Винчестерскому и впоследствии его надлежало передать владельцу.

Кадфаэль как раз выходил из галереи, собираясь в свой садик, и потому оказался лицом к лицу с входящими в нее послушниками. Брат Мэриет шел последним и успел заметить, как

красавец гнедой мелкой рысью горделиво вступил во двор, выгнув свою бронзово-красную шею, оглядев незнакомое место, угрожающе мотнул головой с большим белым пятном на лбу и затем, осторожно подымая передние ноги в белых чулочках, пошел по булыжнику.

Кадфаэль хорошо видел их неожиданную встречу. Конь вскинул узкую красивую голову, вытянул шею, напряг ноздри и тихо заржал. Юноша побледнел, стал такого же цвета, как белый лоб коня, остановился, дернулся назад, и солнце высветило зеленые точки в его глазах. Потом он опомнился и поспешил вслед за своими товарищами в галерею.

Ночью, за час до заутрени, дормиторий потряс дикий крик «Барбари!.. Барбари!..» и длинный пронзительный свист. Брат Кадфаэль бросился к Мэриету, быстро положил руку на лоб спящего, погладил щеки, коснулся сжатых губ юноши и мягко опустил его голову на подушку. Мэриет так и не проснулся. То болезненное, режущее, что мучило его во сне, если это было сновидение, отступило, звуки растаяли, наступила тишина. Грозный вид Кадфаэля не позволил пораженным братьям раскрыть рты, и даже приор Роберт не решился прервать страшный сон, особенно если учесть, какие неудобства он причинил бы тем самым всем, включая себя. В воцарившейся тишине, когда свечи всюду погасли, Кадфаэль еще долго сидел у постели Мэриета. Монах был рад, что готов встретить все, что бы ни случилось, хотя и не мог бы объяснить, чего он ждет. А завтрашний день все равно наступит, на радость или на горе.

Глава четвертая

Мэриет встал к заутрене хмурый, с мешками под глазами, но явно ничего не подозревающий о том, что произошло ночью. От братьев, готовых излить на него немедля свое недовольство, тревогу и страх, его спасло лишь то, что, как только служба кончилась, помощник шерифа прислал сказать, чтобы Мэриет пришел в конюшню. Хью разложил на скамье порванную, выдавшую виды сбрую, а конюх прогуливал по двору Рыжего (это имя оставили коню), так, чтобы его можно было хорошо рассмотреть в мягком свете утра.

– Кажется, вопросы излишни, – сказал Хью с улыбкой, глядя, как взметнулась белолая голова и раздулись широкие ноздри коня, заведшего приближающегося Мэриета, хотя на юноше было непривычное облачение. – Он, без сомнения, узнал тебя, да и ты, наверное, узнал его. – И поскольку Мэриет продолжал молчать, ожидая расспросов, продолжал: – Это лошадь, на которой Питер Клеменс уехал из вашего дома?

– Да, милорд, та самая. – Юноша бросил лишь один быстрый взгляд на коня, облизал губы и стоял, по-прежнему опустив глаза и ни о чем не спрашивая.

– Ты возился с ним всего один раз? Он охотно идет к тебе. Погладь его, если хочешь, смотри, он ждет твоей ласки.

– В тот вечер я отвел его в конюшню, вычистил, накормил, – проговорил Мэриет тихо и нерешительно. – А утром оседлал. До этого он никогда не показывал, что ему нравится, когда я за ним ухаживаю. Я... я люблю лошадей.

– Понимаю. Значит, ты возился и с его сбруей.

Это была богатая, красивая сбруя: седло отделано цветной кожей, а уздечка украшена серебряными бляшками, которые теперь были помяты и заляпаны грязью.

– Узнаешь?

– Да. Это все его, – ответил Мэриет, а потом спросил, почти испуганно: – Где вы нашли Барбари?

– Так его зовут? Это сказал тебе его хозяин? Милых в двадцати или чуть больше к северу отсюда, в торфяниках возле Витчерча. Очень хорошо, молодой господин, вот и все, что мне было нужно от тебя. Теперь возвращайся к своим обязанностям.

Товарищи Мэриета, собравшиеся вокруг лоханок с водой для утреннего умывания, поспешили воспользоваться его отсутствием. И те, кто боялся его, считая одержимым, и те, кому не нравилась его необщительность, и те, кто считал, что его молчаливость вызвана его презрением к ним, – все кричали во весь голос, выражая свое недовольство. Приора Роберта не было поблизости, но его помощник, его тень, брат Жером, был здесь и вертел головой, стараясь ничего не упустить.

– Брат, ты сам слышал! Он опять кричал ночью, он разбудил нас всех...

– Он выл и звал кого-то знакомого. Я расслышал имя демона, он назвал его «Барбари»! И дьявол ответил ему свистом... мы же знаем, что это дьявол шипит и свистит!

– Он привел к нам злого духа, наши жизни в опасности. У нас нет покоя по ночам... Брат, правда, мы боимся!

Кадрфаэль, с трудом расчесывая густую копну своих седых волос, обрамлявших загорелую макушку, размышлял, не стоит ли вмешаться, но счел за лучшее промолчать. Пусть выложат все, что у них накопилось против парня, и тогда сами увидят, какая это ерунда. Конечно, они испытывают суеверный страх, это естественно, переполохи по ночам действовали на их головы. Если теперь заставить их замолчать, возмущение будет только втайне копиться и расти. Пусть выскажутся, может, в мозгах и просветлеет. Поэтому Кадрфаэль молчал, но был настороже.

– Мы опять все вынесем на капитул, – пообещал брат Жером, всегда расцветавший, когда ему приходилось выступать в роли ушей приора. – Наверняка примут меры, и ночью можно будет спокойно спать. При необходимости нарушителя покоя отселят.

– Но, брат, – тоненько проблеял мальчик, кровать которого находилась через перегородку от кровати Мэриета, – если его переведут в отдельное место, где никто его не будет видеть, кто знает, что он еще придумает? Ему там будет свободнее, и я боюсь, вдруг дьявол окрепнет и овладеет душами и других тоже. Он может обрушить на нас крышу или поджечь подвал...

– Все во власти Провидения, – прервал его брат Жером, осеняя себя крестом. – Брат Мэриет причинил много беспокойства, согласен, но сказать, что он одержим дьяволом...

– Но, брат, это так! У него есть талисман, который дал ему демон, он прячет его в своей постели. Я знаю! Однажды я заглянул к нему и увидел, как он сунул какую-то маленькую штуку под одеяло. Я только хотел спросить у него про одну строчку в псалме, потому что, знаете, он ученый, а он держал что-то в руке и очень быстро убрал это и встал между мной и кроватью и не хотел впускать меня. Он был мрачный, как туча. Брат, я испугался! А потом я следил за ним. Правда-правда, клянусь, у него спрятан амулет, ночью он берет его с собой в постель. Конечно, это символ его знакомца, и это призовет зло на всех нас!

– Я не могу поверить... – начал брат Жером и умолк, как бы пересматривая пределы своей доверчивости. – Ты *видел* это? В его постели, говоришь? Спрятана какая-то посторонняя вещь? Это не по Уставу.

Что должно быть в распоряжении послушника или монаха, кроме койки, стула, маленького столика, за которым можно читать, и книг, по которым надо учиться? Ничего, исключая уединение и покой, которые могли существовать лишь при условии взаимного уважения, какое подобает добродетельным братьям, потому что постели отделялись одна от другой лишь символической перегородкой.

– Вступив в монастырь и став послушником, человек должен расстаться со всем мирским имуществом, – произнес Жером, расправив свои худые плечи, как только почувял, что здесь, может, и правда нарушен общепринятый порядок. Вода лилась на его мельницу! Ничему он так не радовался, как поводу сделать внушение. – Я поговорю с братом Мэриетом.

Голоса полудюжины мальчишек, необычайно воодушевившихся, призвали его к немедленным действиям.

– Брат, иди сейчас, пока его нет, и посмотри, сказал ли я правду! Если ты заберешь его амулет, у дьявола не будет больше власти над ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.